

² См.: Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 122.

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 274.

⁴ См.: Губаева Т.В. Язык и право. М., 2004. С. 66.

⁵ См.: Горский Д.П., Ивин А.А., Никифорова А.Л. Краткий словарь по логике / под ред. Д.П. Горского. М., 1991. С. 184.

⁶ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. М.: Проспект, 2009. С. 584.

⁷ Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М., 1997. С. 218–219.

⁸ См.: Справочная книга криминалиста / рук. авт. коллектива и отв. ред. Н.А. Селиванов. М., 2000. С. 181.

*О.А. Мальшева**

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ С.А. ШЕЙФЕРА ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Современная уголовно-процессуальная наука знает немало число теоретиков, практиков, которые посредством своих научных публикаций, выступлений на мероприятиях научного характера, дачи экспертных оценок применительно к уголовному судопроизводству внесли существенный вклад в ее становление и развитие. Одним из таких выдающихся ученых, по нашему мнению, является доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Самарского государственного университета Семен Абрамович Шейфер.

Согласно заявленной теме статьи, необходимым является акцентирование внимания на влиянии научных воззрений профессора С.А. Шейфера на совершенствование процессуальной формы предварительного следствия.

Первоначально напомним, что, согласно общетеоретическим положениям уголовного процесса, под процессуальной формой понимается «установленный законом всеобщий, единый и обязательный порядок производства по уголовным делам в целом, а также реализации отдельных уголовно-процессуальных отношений в частности»¹. Р.Х. Якупов в данной связи уточняет, что «процессуальная форма характерна как для всего уголовного процесса, так и для его отдельных частей (этапов, стадий) и даже для отдельных процессуальных действий и процессуаль-

* © Мальшева О.А., 2010

Мальшева Ольга Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ных документов»². Очевидно, что содержание процессуальной формы предварительного следствия во многом предопределяется содержанием процессуальной функции следователя. С.А. Шейфер, исследуя правовые формы доказывания, приходит к выводу о том, что содержание процессуальной функции следователя, в свою очередь, зависит от соотношения таких видов деятельности, как познание и доказывание. В процессуальной литературе встречается мнение, что познавательная деятельность следователя — это не доказывание в традиционном смысле, а деятельность по установлению и обоснованию вины лица в совершении преступления³. Такой подход к определению сущности деятельности следователя приводит к утверждению о том, что основной функцией следователя является обвинение лица в совершении преступления.

Однако обращение к отечественному опыту не позволяет признать верной данную позицию. С.А. Шейфер также убедительно обосновывает несостоятельность позиции об определении следователя только как обвинителя. Следователь «должен объективно исследовать все обстоятельства дела, в том числе и те, которые ослабляют или опровергают обвинение»⁴. Свою точку зрения Семен Абрамович усиливает посредством обращения к решению Конституционного Суда РФ, состоявшемуся 29 июня 2004 г.⁵, в котором указано, что прокурор, следователь, дознаватель, осуществляя уголовное преследование, обязаны принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности, мотивированности (ст. 7 УПК РФ), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и отвергнуты стороной обвинения.

Обращение внимания С.А. Шейфером на познавательную составляющую процессуальной деятельности следователя, а также научно-теоретическое обоснование ее сущности вновь инициирует, на наш взгляд, необходимость взвешенного подхода к определению процессуальной функции следователя. Учет при производстве по уголовному делу позиции С.А. Шейфера — «следователь — не обвинитель, а исследователь» — ориентирует уполномоченных субъектов на необходимость ухода от сложившейся практики принятия односторонних решений, касающихся только обвинения лица в совершении преступления, в целях которых осуществляются конкретные следственные, а также иные процессуальные действия. Перед следователем должна ставиться задача — всестороннее исследование всех обстоятельств совершенного преступления. По его результатам могут быть получены выводы о непричастности либо невиновности лица в инкриминируемом ему деянии, которые облекаются в форму решений, оправдывающих данное лицо. Одновременно необходимо изменение действующей системы оценки деятельности

следователя, согласно которой главной заслугой следователя выступает постановление в последующем по уголовному делу, находившемуся в производстве у следователя, обвинительного приговора судом.

Представленные суждения Семена Абрамовича полезны для нацеливания в очередной раз следовательского корпуса на необходимость исполнения в полном объеме уголовно-процессуальных норм, закрепленных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Отмеченное является важнейшим условием повышения качества расследования преступлений.

Как известно, основной способ формирования доказательств⁶ — производство следственных действий. С.А. Шейфер уделял и продолжает уделять большое внимание разработке научно-теоретических основ процессуальной формы следственных действий. По обозначенной теме им было подготовлено несколько изданий авторской монографии. В отмеченной работе изложены развернутые суждения о сущности следственных действий, их системе и факторах, определяющих правильный выбор нужного следственного действия, структурировании следственного действия как комплекса поисковых, познавательных и удостоверительных операций, основаниях проведения следственного действия, а также правовом статусе участников следственного действия и др. Семен Абрамович своими научными разработками внес существенный вклад в развитие теории следственных действий⁷, что было учтено при конструировании и совершенствовании процессуальной формы предварительного следствия.

Официальные статистические данные свидетельствуют о недостаточно высоком уровне качества предварительного следствия⁸. Одной из главных причин этого выступает допущение следователями ошибок при проведении следственных действий. Ответить на вопросы: «Как достичь цель следственного действия? Как избежать ошибок при производстве следственного действия, устранить (минимизировать) последствия следственных ошибок?» — помогает изучение теоретических воззрений С.А. Шейфера на обозначенную проблему. В частности, он отмечает: «В широком плане достижению цели следственного действия служат все элементы процессуальной формы. В то же время некоторые предписания непосредственно направляют деятельность следователя и других участников к желаемому результату — получению искомой информации. К ним в первую очередь относятся правила применения методов познания, превращающие эти методы в поисковые и познавательные операции»⁹.

Сложно не согласиться с профессором С.А. Шейфером по поводу того, что непонимание либо сознательное упрощение цели и познавательной структуры любого следственного действия пагубно влияет на эффективность его производства и, как следствие, может привести к утрате доказательства по уголовному делу. В противоположность этому

полное соблюдение процессуальной формы следственного действия при его проведении, правильном понимании его доказательственного значения помогает в значительной степени определить верный ход производства по уголовному делу, обеспечить гарантии прав и законных интересов участников следственного действия и в конечном итоге – достичь цели и решить задачи предварительного следствия.

Практическая значимость научных воззрений С.А. Шейфера усиливается тем обстоятельством, что большинство его теоретических положений подтверждается конкретными примерами из следственной практики, что позволяет их беспрепятственно воспринимать не только теоретикам, но и практическим работникам.

Для надлежащей реализации процессуальной формы следственного действия интерес представляют суждения профессора С.А. Шейфера о территориальных и временных границах следственных действий, последовательности их проведения, доступе следователя к источникам информации, приемах, обеспечивающих объективность восприятия информации следователем и определяющих пределы его воздействия на лиц, являющихся носителями информации, и др. Для совершенствования указанной формы ценным представляется мнение С.А. Шейфера о том, что привлечение вспомогательных участников следственного действия «должно опираться не только на авторитет органов расследования (фактически именно так обстоит дело в настоящее время), но и на правовые основания»¹⁰.

Ученый высказывал мнение по поводу предлагаемых изменений процессуального порядка производства допроса потерпевших, свидетелей (без указания их подлинных имен и других данных), опознания (в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего) ввиду угроз и давления на них со стороны самого обвиняемого, его родственников, соучастников, добывающихся изменения показаний в пользу обвиняемого. По мнению С.А. Шейфера, не следовало «форсировать принятие мер, явно нарушающих право обвиняемого на защиту»¹¹. Аргументировал он свою позицию тем, что применение таких защитных мер оставляет обвиняемого в неведении, кто его уличает, и лишает возможности изложить свои контраргументы на допросе, очной ставке. Однако данные положения были закреплены в ч. 8 ст. 193, ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Уважая мнение профессора С.А. Шейфера, заметим, что законодатель верно поступил, закрепив в законе гарантии обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Применение анализируемых мер является необходимым, главным образом, при расследовании преступлений, совершенных преступными организованными группами. Опасность их преступной деятельности чрезвычайно высока. О воздей-

ствии членов указанных групп на потерпевших, свидетелей достаточно известно. Поэтому отсутствие отмеченных мер существенно затруднило бы расследование подобного рода преступлений.

Эффективность производства следственного действия во многом также определяется процессуальным статусом следователя как главного субъекта производства предварительного следствия. Принципиальные изменения указанного статуса следователя связываются с принятием Федерального закона № 87-ФЗ от 05.06.2007 г., основной задачей которого стало разграничение процессуальной и надзорной функции прокурора, расширение, как следствие этого, процессуальной самостоятельности следователя.

Свою позицию применительно к отмеченному закону высказывает и С.А. Шейфер. В частности, он пишет, что принятый 5 июня 2007 г. ФЗ № 87-ФЗ существенным образом преобразил структуру, содержание и способы обеспечения законности в деятельности следователя. «Повидимому, мысль законодателя состояла в том, что освобождение прокурора от ответственности за исход предварительного следствия позволит ему с необходимой объективностью и принципиальностью осуществлять свои надзорные полномочия, устранять нарушения законности, допускаемые следователями»¹².

Анализируя современную организацию следственной деятельности и структуру следственного аппарата в стране в целом, С.А. Шейфер конкретизирует правовое положение новой процессуальной фигуры — руководителя следственного органа, указывает коренное отличие этого субъекта процесса от фигурировавшего в прежнем законодательстве начальника следственного отдела. В данной связи С.А. Шейфер отмечает, что само наименование обозначенного участника отражает направление этого преобразования: ему переданы от прокурора полномочия по руководству расследованием. «Пользуясь этими полномочиями, руководитель следственного органа направляет деятельность следователя на максимально эффективное осуществление уголовного преследования»¹³.

Сопоставив процессуальный статус следователя, руководителя следственного органа, прокурора, С.А. Шейфер приходит к выводу о том, что в целях дальнейшего совершенствования процессуальной формы предварительного следствия необходимо вернуть прокурору возможность полноценного осуществления возложенной на него законом функции уголовного преследования, как это имеет место в большинстве стран мира¹⁴. Свою позицию он обосновывает фактом соединения полномочий по руководству предварительным следствием и надзору в лице одного из субъектов предварительного следствия — руководителя следственного органа.

Неоднозначную оценку можно дать представленной позиции С.А. Шейфера, но совершенно очевидно, что он не остается безучастным к современному состоянию процессуальной формы предварительного следствия. Посредством научного анализа различных ее элементов вносит предложения по совершенствованию указанной процессуальной формы, что, безусловно, не может не приветствоваться широким кругом представителей юридической общественности.

В заключение следует отметить, что научные воззрения профессора С.А. Шейфера значимы для совершенствования процессуальной формы предварительного следствия. Его теоретические разработки, результаты проводимого им всестороннего анализа прокурорско-следственной практики позволяют разрабатывать новые формы осуществления процессуальной деятельности с целью повышения ее эффективности, а также усиления процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов лиц, вовлеченных в производство предварительного следствия.

Примечания

¹ Россинский С.Б. Уголовный процесс России: курс лекций. М.: ЭКСМО, 2007. С. 18–19.

² Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учеб. для вузов / науч. ред. В.Н. Галузо. М.: ТЭИС, 2005. С. 35–36.

³ Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара, 2007. С. 43.

⁴ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: НОРМА, 2009. С. 26.

⁵ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.06.2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Мы разделяем мнение ученых, считающих, что в процессе доказывания собирается доказательственная информация, а доказательства формируются. Хотя ст. 85, 86 УПК РФ закрепляют термин «собрание доказательств». См., напр.: Шейфер С.А. Понятие доказывания: спорные вопросы теории // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: мат. вузов. юбил. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. М.: Академия управления МВД России, 2007. С. 326–339; Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. Тула, 2003. С. 5; и др.

⁷ См., напр.: Шейфер С.А., Лазарева В.А. Следственные ошибки, влекущие за собой нарушение права обвиняемого на защиту // Актуальные проблемы охраны прав личности в советском уголовном судопроизводстве. Свердловск, 1989. С. 30.

⁸ См., напр.: Состояние преступности за 2008 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2009.

⁹ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. С. 160.

¹⁰ Там же. С. 173. Несмотря на то что мнение было высказано в 2001 г., оно сохраняет актуальность и в настоящее время.

¹¹ Там же. С. 177.

¹² Шейфер С.А. Прокурор и руководитель следственного органа: функции и взаимоотношения // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изме-

нением уголовно-процессуального законодательства: мат. межвуз. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2008. С. 26.

¹³ Шейфер С.А. Правовое положение и взаимоотношения прокурора и руководителя следственного органа // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. Рязань: Академия ФСИН России, 2008. Вып. 3. С. 142.

¹⁴ Шейфер С.А. Предварительное следствие: прокурорский надзор и ведомственный контроль // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений: сб. мат. межвуз. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2009. С. 136.

*А.С. Дежнев**

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В качестве альтернативы заключению лица под стражу в юридической литературе рассматривают домашний арест. Отмечают, что он менее строг, более выгоден экономически, позволяет избежать негативных последствий нахождения в следственном изоляторе и сохранить связь с семьей¹. Об оценке семейной жизни человека при домашнем аресте законодатель говорит особо. В ч. 2 ст. 107 УПК РФ (наряду с требованиями ст. 99 УПК РФ) он дополнительно подчеркивает необходимость учета семейной жизни обвиняемого (подозреваемого). Такое «двойное» напоминание не случайно. Все-таки домашний арест обуславливается необходимостью постоянного пребывания лица в жилище, и учет его семейных взаимоотношений здесь не будет лишним. Так, например, если преступление совершено на семейно-бытовой почве данная мера пресечения может усугубить и без того сложную ситуацию в семье. С другой стороны, судья (следователь, дознаватель) должны понимать, что лицо, лишенное права покидать свое жилище, не может удовлетворить ряд своих социальных потребностей. Именно члены семьи призваны обеспечить лицо, находящееся под домашним арестом, продуктами питания, решить иные бытовые проблемы.

В этой связи уместен вопрос о том, должны ли члены семьи делить с обвиняемым (подозреваемым) те запреты, что предусмотрены в ч. 1 ст. 107 УПК РФ? Формально из закона это не вытекает, но, по сути, без такого рода ограничений порой не обойтись. Если обвиняемый живет

* © Дежнев А.С., 2010

Дежнев Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Омской академии МВД России